ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2011 История №1(13)

УДК 94

А.А. Сизова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ В ЗАСТЕННОМ КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Российские императорские консульства в Синьцзяне, Внешней Монголии и Маньчжурии, в отличие от аналогичных учреждений во Внутреннем Китае в середине XIX–начале XX в., были глубоко вовлечены в решение вопросов политико-стратегического характера. В работе рассматриваются задачи и важнейшие результаты дипломатической и информационно-аналитической деятельности консульств в каждом регионе Застенного Китая, с точки зрения обеспечения национальных интересов России, а также с позиций региональной безопасности и «баланса сил» в международной системе.

Ключевые слова: *консульство, дипломатия, безопасность, российско-китайские отношения.*

Становление консульской службы России по северному и западному периметрам Цинской империи во второй половине XIX – начале XX в. находилось в неразрывной связи с процессом освоения Россией «жизненного пространства» в Азии, обретенного к середине XIX столетия. Основными задачами России на Дальнем Востоке были охрана status quo в региональной подсистеме посредством сдерживания экспансии великих держав, активизировавших борьбу за раздел мира, укрепление позиций в сферах собственных интересов в Китае и стимулирование торгово-экономических контактов с Поднебесной в ходе освоения Приамурья и Приморья [1. С. 44–60]. До начала XX в. консулы, наряду с Посланником в Пекине, были единственными официальными представителями России в Цинской империи и принимали деятельное участие в решении всех вопросов, связанных с взаимоотношениями двух империй и обеспечением национальной безопасности России от внешних угроз. Поскольку стратегический интерес для России представляли пограничные регионы Китая за пределами Великой стены (Застенный Китай) – Синьцзян (Джунгария и Кашгария), Внешняя Монголия, Маньчжурия, – именно в них императорские консульские учреждения были наиболее вовлечены в решение политических вопросов.

Большинство консульств России в Западном Китае и Северной Монголии было открыто во второй половине XIX в., в соответствии с российско-китайскими договорами 1851–1881 гг., в Западной Монголии и Северо-Восточном Китае – только в начале XX в., после поражения в Русско-японской войне [2. С. 288]. Для сохранения своих позиций в Маньчжурии и сдерживания возможных попыток передела сфер влияния со стороны Японии царское правительство в сжатые сроки создало здесь целый ряд консульских учреждений. В 1908 г. открылись генеральные консульства в Харбине и Мукдене, консульства в Цицикаре, Гирине и Даляне, вице-консульство в Куаньчэнцзы [3. Л. 3–4], в 1909 г. было образовано вице-консульство в Хайларе, а в 1911 г. – в Айгуне [4. С. 69]. Формирование «пояса» представительств России в Застенном Китае завершилось созданием в 1911 г. консульств в Кобдо и Шара-Сумэ и вице-консульства в Маймачэне в 1916 г. [5. Кн. 1. С. 125]. На момент официального прекращения действия загранучреждений Российской империи в ноябре 1917 г. консульская сеть в Китае была одной из самых разветвленных в мире – только в Синьцзяне, Внешней Монголии и Маньчжурии насчитывалось 17 представительств [6. С. 575–576].

Статус российских консулов в Застенном Китае характеризовался рядом специфических черт. Во-первых, они обладали правом экстерриториальности и консульской юрисдикции. Во-вторых, консулы были наделены широчайшими полномочиями, по объему равными генерал-губернаторским, и помимо выполнения традиционных функций – содействия развитию торговли и защиты интересов российских подданных, решали любые задачи, проистекавшие из взаимодействия России и Китая, в том числе дипломатического представительства [7. С. 345] и политической агентуры. Сбор сведений политического и военно-

го характера был санкционирован высочайше [8. Т. 1. С. 638] и вошел в список консульских обязанностей в конце XIX в. ввиду обострения конкуренции великих держав на Дальнем Востоке. Особо важными объектами наблюдения были деятельность Великобритании по закреплению на Тибете, проникновение Японии в Маньчжурию, Монголию и Синьцзян, ее манипулирование китайским правительством с целью дискредитации России в глазах населения окраин Китая. С 1906 г. консульства оказывали всестороннее содействие Генеральному штабу по изучению театра военных действий Русско-японской войны, путей сообщения, военно-статистическому описанию сопредельных с Россией дальневосточных территорий, проведению топографических мероприятий. В этот же период консулы во всех регионах Застенного Китая вели контрразведывательную деятельность по выявлению секретных агентов Японии. Консульские сведения имели преимущество над данными экспедиций Генштаба своей полнотой, регулярностью и точностью. В-третьих, на окраинах Китая была высока степень автономности консулов в принятии решений, поэтому уровень влияния России в регионах западнее и севернее Великой стены, эффективность претворения в жизнь российской политики во многом зависели от них. Свои действия консулы координировали с посланником в Пекине, но «особое положение» этих чиновников в столь удаленных и «сложных» регионах, глубокое знание ими местной ситуации лишали смысла механизм подробного инструктирования МИДом – о решениях консулов по конкретным вопросам посланник и Петербург нередко узнавали по факту [7. С. 361]. В Застенный Китай МИД направлял самых опытных дипломатов, которые служили в одном пункте в течение длительных сроков. Например, консул в Урге Я.П. Шишмарев оставался на своей должности с 1862 по 1911 г., консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский – с 1883 по 1904 г., консул в Кульдже В.М. Успенский – с 1885 по 1896 г. и др. За время существования консульских учреждений в Маньчжурии наиболее длительными оказались сроки службы консула в Мукдене С.А. Колоколова (1911–1917), в Цицикаре С.В. Афанасьева (1911–1917), в Харбине Н.Г. Поппе (1910–1913) [9. С. 78–140].

Наряду с выполнением регулярных функций по поддержанию доброжелательных отношений с маньчжурской и туземной администрацией, защите российских подданных от притеснения местных властей консульства в Синьцзяне сыграли важную роль в разграничении с Китаем и создании режима пограничного контроля, участвовали в урегулировании последствий мусульманского восстания 1864–1878 гг., а также ограничении доступа третьих стран (Великобритании, Японии) в Западный Китай и на Памир. Благодаря деятельному участию консулов в Синьцзяне, в том числе И.И. Захарова, И.В. Падерина, Н.А. Борнемана, были решены вопросы проведения западного участка границы между Россией и Китаем (Чугучакский протокол (1864), обозначивший большую часть западной границы [6. С. 95–100], Барлыкский протокол (1884), определивший границы кочевий российских казахов в Барлыке [6. С. 194–195], акт о передаче Цинам Барлыкских гор (1893)) [6. С. 18–19]. В 1894 г. граница на западном участке была окончательно определена, а также выработаны «Правила охранения порядка на границе» (1895 г.) [10. С. 56–60]. Совместно с командованием Туркестанского военного округа консульства составляли инструкции для регламентации пограничного контроля. Одновременно консулы в Синьцзяне вели наблюдение за действиями цинских военных в зоне границы, разработкой ими оборонных планов на случай войны с Россией [10. С. 90]. В последней четверти XIX в. консульства в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре сыграли заметную роль в решении «Илийской проблемы», регулируя переселение таранчей, дунган и казахов в российские пределы, предоставляли протекцию вернувшимся в Китай из-за гнета маньчжурских властей мусульманам [11. С. 171–227]. После свержения цинской власти в Или (январь 1912 г.) и Кашгарии (весна 1912 г.) консулы А. Дьяков (Кульджа) и С. Соков (Кашгар) приняли меры для предотвращения анархии и радикализации повстанцев, настояли на вводе в данные пункты российских отрядов. В дни революционных событий они обеспечили защиту не только соотечественникам, но и китайцам, укрывшимся от расправы в российских представительствах.

Консульства являлись опорными пунктами в ходе ведения «большой игры» с Англией в Центральной Азии. Поскольку первый британский представитель появился в Синьцзяне только в 1885 г. и лишь в одном пункте – Кашгаре, российский консульский корпус занял прочные позиции в Западном Китае. Генеральное консульство в Кашгарии, особенно в период нахождения на посту Н. Петровского, внесло существенный вклад в

укрепление репутации России в Синьцзяне и блокирование попыток Англии усилить свое влияние на Памире. Информационная работа консульства, совместно с Генштабом, не раз помогала разоблачить планы Великобритании в «большой игре». Так, благодаря сведениям, собранным Н. Петровским, удалось предотвратить тайное продвижение Англии на юг Синьцзяна летом 1891 г. С 1906 г. консулы в Западном Китае занимались сбором информации о действиях японцев в регионе совместно с тайными агентами Туркестанского военного округа, прикомандированными к консульствам. Так, после сообщения консула в Кашгаре С. Колоколова в апреле 1906 г. о поступлении в Кашгар военных грузов с японскими инструкторами посланник России в Пекине Дмитрий Покотилов заявил протест, и японцы были высланы из Синьцзяна [12. С. 50–52]. В предвоенном 1913 г. для сбора сведений о колониальной стратегии Англии, усилившей антагонизм с Германией, Россия учредила дополнительные должности военных секретарей при консульствах в Урумчи и Шара-Сумэ. В 1913–1914 гг. чиновники МИД в Синьцзяне способствовали пресечению антирусской агитации в мечетях агентов Турции.

Российские консулы во Внешней Монголии смогли не только завоевать безусловный авторитет у местных маньчжурских и монгольских властей, умело отстаивая государственные интересы России, но и внести лепту в национальное освобождение монголов. До начала XX в. русские были единственными иностранцами в Монголии и пользовались здесь исключительными правами. Статус консула в Урге приравнивался к статусу амбаня – наместника императора (Во Внутреннем и Западном Китае консулы сообщались лишь с даотаями) [13. Л. 421]. Авторитет консулов в Урге, а впоследствии в Западной Монголии, был настолько неоспорим, что монгольская элита постоянно обращалась к ним за консультациями по вопросам взаимоотношений с Китаем. Главной задачей консульств в Монголии было обеспечение наиболее благоприятных условий для российско-монгольского экономического взаимодействия, вследствие чего они вели непрерывную борьбу с маньчжурскими наместниками в Ургинском, Улясутайском, Кобдосском округах, Урянхайском крае. Однако уже в конце 1880-х гг. консул в Урге начал оказывать влияние на внутренние дела Монголии и на ее отношения с Пекином, в частности, предпринимать меры против китаизации страны. При содействии консулов в Урге, Улясутае и Шара-Сумэ из Монголии было удалено несколько маньчжурских наместников, потворствовавших колонизации исконных монгольских территорий [13. Л. 309, 417]. С 1905 г. консульства привлекались к активной контрразведывательной работе в целях выявления японских агентов и ограничения засилья японцев в цинской администрации [14. Л. 71–75 об.; 15. Л. 9–11 об] в сотрудничестве с агентами Омского и Иркутского военных округов. Чиновники МИД с 1870-х гг. собирали сведения о Тибете и экспансии Великобритании в «запретной стране». В 1904–1905 гг. ургинский консул вел переговоры о тайной переправке в Россию Далай-ламы, покинувшего Лхасу и укрывшегося в столице Халхи [14. Л. 47, 61–66].

Особые отношения, сложившиеся у консулов Я.П. Шишмарева, В.Ф. Любы, А.Я. Миллера с ургинскими и кобдосскими амбанями, улясутайским цзянцзюнем, духовным главой Монголии Джебцзун-Дамба-хутухтой, многочисленными князьями и ламами, способствовали росту популярности представителей России в Монголии, вследствие чего именно с их содействием связали свои надежды лидеры национально-освободительного движения, провозгласившие 1 декабря 1911 г. независимость. Представители МИД в Урге принимали непосредственное участие в переговорах правительств Монголии, России и Китая о независимости Внешней Монголии в 1911–1915 гг. и выработке проекта монгольской автономии в составе Китая, обеспечении финансовой и технической помощи правительству Богдо-гэгэна. В этот же период консулы в Западной Монголии защищали гражданское население во время борьбы за Кобдосскую крепость и боевых действий между повстанцами и правительственными силами Китая в Алтайском округе, а также предоставляли гуманитарное содействие районам, охваченным конфликтом. Российские консулы в Кобдо, Шара-Сумэ и Урге употребили все усилия для того, чтобы отторжение Кобдосского округа от Китая в пользу Монголии и соглашение о сохранении status quo в Алтайском округе не нарушило существовавшего в регионе международного равновесия и одновременно способствовало укреплению позиций России в Северо-Западной Монголии и Синьцзяне. Консульства в Урге и Западной Монголии занимались разрешением «урянхайского» вопроса, в результате чего Урянхайский край вошел в состав Российской империи. Историческое Кяхтинское

соглашение 1915 г., со стороны России подписанное генеральным консулом в Урге А.Я. Миллером, способствовало сохранению целостности Китая и удовлетворительных российско-китайских отношений, в то же время закрепило первый серьезный шаг Халхи на пути к достижению независимости.

За 9-летний период официального функционирования российских консульских учреждений в Северо-Восточном Китае чиновники МИД в Харбине, Мукдене, Гирине, Куаньченцзы, Цицикаре, Нючжуане и других городах внесли существенный вклад в политическое закрепление России в этой стратегически значимой для России зоне. Основные политические задачи консульств в Маньчжурии сводились к поддержанию доброжелательных отношений с цзянцзюнями и фуинями (гражданскими губернаторами), министерствами провинций, управлениями по делам иностранцев (цзяошэ ши у цзюй) [16. Л. 4–5] на фоне стремительного развития российско-китайских экономических отношений в данном регионе 1900–1910-х гг., а также к наблюдению за деятельностью Японии с целью оперативного информирования МИД о возможной подготовке новой агрессии против России, сбору сведений о колонизационных мероприятиях китайской администрации, состоянии войск, о работе дипломатов, агентов и предпринимателей Европы и США в регионе. Важнейшей задачей генерального консула в Харбине было создание благоприятных условий для развития данного нового форпоста российского влияния в Северной Маньчжурии. После Русско-японской войны многие сотрудники консульств в Северо-Восточном Китае являлись негласными военными агентами при Главном управлении Генерального штаба и штабах военных округов, в частности Иркутского, как правило, занимавшими должности военных секретарей при консульствах. В районах концентрации интересов Англии и Японии была создана разветвленная агентурная сеть из китайских подданных, снабжавшая консулов всесторонними данными о взаимодействии китайской администрации с иностранными державами и хозяйственных планов последних в зонах, граничащих с российской сферой влияния [17]. К началу 1914 г. консул в Цицикаре Афанасьев и вице-консул в Янцзыфу Надаров возглавляли негласные военные агентурные организации, и их донесения по указанным вопросам высоко ценились Генеральным штабом [18]. В 1910-х гг. консульствами в Маньчжурии проводилась работа по выявлению германских агентов, проникавших из Внутреннего Китая.

С позиций анализа на уровне государств в изучаемый период политическая деятельность консульской службы России в Застенном Китае внесла существенный вклад в эффективную имплементацию российской дальневосточной стратегии и обеспечение национальной безопасности на рубежах Северо-Восточной и Центральной Азии. Данный институт зарекомендовал себя как эффективный инструмент разрешения проблем, возникавших в отношениях России с Китаем внутри консульских округов и на границе. Консулам в Синьцзяне и Внешней Монголии в разные периоды были делегированы полномочия по заключению официальных актов от имени царского правительства, в том числе по разграничению в Восточном Туркестане, формированию правил двусторонней торговли и т.д., они были непременными участниками всех значимых переговоров по совершенствованию режима двусторонних отношений. Анализируя деятельность российских представительств с точки зрения обеспечения региональной безопасности, можно заметить, что, в определенном смысле, консульские учреждения России вместе с Миссией в Пекине сыграли роль ее гарантов, направляя усилия на предотвращение внутриполитической нестабильности в Китае, что проявилось в участии консульств в постконфликтном урегулировании в Синьцзяне, защите мирного населения во всех трех регионах в периоды внутриполитических неурядиц. Проект автономии Внешней Монголии, принятый на Кяхтинской конференции 1915 г. усилиями генерального консульства в Урге, также может быть расценен как мера предупреждения конфликта в регионе, так как он предотвратил преждевременное образование слабого монгольского государства, которое могло бы стать поводом к военному столкновению России с Китаем. На уровне международной системы необходимо учесть роль российских консульств в поддержании «баланса сил» в рамках борьбы держав за раздел сфер влияния. Завоевав авторитет у местных властей и населения и в сотрудничестве с Генеральным штабом занимаясь активной информационной работой, консульства содействовали сдерживанию экспансии Англии и Японии в зонах специальных интересов России, т.е. поддержанию status quo в отношениях держав. Невзирая на большое количество технических проблем, связанных с многофункциональностью и

широкими полномочиями, в изучаемый период консульский институт России в Застенном Китае обеспечивал достойную защиту не только торгово-экономических, но и политико-стратегических интересов империи, что, кроме укрепления «многофакторного равновесия» в российско-китайском взаимодействии, позитивно сказывалось на состоянии региональной безопасности и поддержании баланса в международной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX вв. М., 1987.

2. *Tang P.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931. Durham, 1959.

3. *Архив* внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 223б.

4. *Ежегодник* Министерства иностранных дел. СПб., 1912.

5. *Монголия* // Вестник Азии. 1916. № 37.

6. *Русско-китайские* договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004.

7. *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906.

8. *Свод Законов* Российской империи. СПб., 1898.

9. *Lensen G.A.* Russian diplomatic and consular officials in East Asia: a handbook of the representatives of tsarist Russia and the provisional government in China, Japan and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet representatives in Japan from 1925 to 1968 compiled on the basis of Russian, Japanese and Chinese sources with a historical introduction. Tokyo, 1968.

10. *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000.

11. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.). Барнаул, 2003.

12. *Обухов В.Г.* Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007.

13. *АВПРИ.* Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 562.

14. *АВПРИ.* Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 564.

15. *АВПРИ.* Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 565.

16. *АВПРИ.* Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 247.

17. *Лебедев В.А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=7241.

18. *Ращупкин Ю.М.* Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003 / http:// mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/rasp/1_3.html.